

УДК 93

О.В. Ким

**ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: МЕЖДУ ЕВРОЦЕНТРИЗМОМ И МНОЖЕСТВОМ
«МОДЕРНОСТЕЙ»**

Рассматривается влияние идейных и методологических принципов евроцентризма на теорию модернизации во второй половине XX в. Он оказался прочно связан с линейными схемами социальной эволюции и «эталонным подходом» к типологии исторических обществ. В дальнейшем, на волне ревизии теории модернизации в 1970–1990-е гг. развились представления о многолинейных и инвариантных версиях модерна, которые могут существенно уклоняться от европейского дискурса в региональном и цивилизационном контексте. Современная ситуация в теории модернизации характеризуется отходом от линейных схем в духе вестернизации, переосмыслением стабилизирующей социальной и культурной роли традиций, особым вниманием к типам «модерности», критикой концепций «догоняющего развития».

Ключевые слова: теория модернизации, евроцентризм, переходное общество.

Термин «модернизация» в последнее время стал предметом политической риторики в России. Причем интерпретации термина широки и разнообразны – от узкоспециального технологического обновления до широкой программы на пути конвергенции в либерально-рыночное сообщество. Термин позитивно окрашен, с ним связывают всесторонний процесс внедрения инноваций. Понимается, что процессы модернизации неизбежно ведут к конвергенции «транзитных обществ», их интеграции на основе культурных, политических, социальных стандартов современной евроатлантической цивилизации. В современной политической жизни XXI в. этот термин имеет выраженные евроцентристские коннотации. Под их влиянием евроцентризм (европоцентризм) стал идеологическим фоном перестройки и реформ в современной России [1. С. 27–33]. При этом политическая и публицистическая апологетика и критика «проекта модерна» в равной степени удалены от современного научного уровня развития теорий модернизации. В обоих случаях объектом внимания является узкий, однолинейный вариант модерна как следования по пути исторического развития Запада и формирования соответствующих социокультурных институтов. В целом это соответствует духу «теории модернизации» первого поколения, которая возникла во второй половине XX в. Тогда парадигма модернизации одновременно являлась макроисторической теорией и либеральной политической идеологией. В эпоху bipolarных противостояний она являлась альтернативой марксистской теории общественно-экономического развития.

Парадигма модернизации стала закономерным продуктом теоретического и идейного развития западной гуманитарной мысли. Она была связана

с формирующимися доктринами индустриализма, традиционализма, транзитного общества и переходной эпохи. В ее основе было заложено представление о трансформации традиционного общества в индустриальное. Интерпретация Т. Парсонсом взглядов М. Вебера в духе универсальности капитализма западного образца, необходимости принятия его самого и его социокультурных производных всеми странами мира с самого начала придала теории выраженный европоцентристский акцент. Идея конвергенции современного мира на основе модернизационных процессов сформировалась во второй половине XX в. и несла на себе серьезный идеологический отпечаток идейных противостояний эпохи «холодной войны». Идеология первых линейных теорий модернизации имела европоцентристскую основу и предполагала безоговорочный приоритет культурных, политических, экономических ценностей европейско-американской цивилизации.

Модернизация человечества в широком смысле слова понималась в 1950–1970-е гг. как переход всего мира на западные жизненные стандарты, которые возводились в статус «общечеловеческих ценностей»; а сам переход рассматривался нередко как предполагаемый «конец истории» [2. С. 191–192].

Ранние версии модернизации отличал близкий марксизму дух позитивизма. Обращает на себя внимание смысловая близость дихотомий «традиционное – современное» и «первичные – вторичные формации», аналогии социально-экономических антагонизмов. Обоим подходам в равной степени было свойственно линейное, стадийное видение всемирно-исторического развития, детерминизм. Обе теории указывали путь окончательной конвергенции всех обществ в мире всеобщего

блага, равенства социальных возможностей. Концепция модернизации соединяла в единую парадигму весь комплекс представлений о трансформации традиционного, аграрного общества в капиталистическое, индустриальное. Этот процесс рассматривался как всеобщий и, по сути, неизбежный этап для всех развивающихся стран, стремившихся преодолеть отсталость и пережитки колониальной эпохи. Модернизация воспринималась как процесс системных изменений с кумулятивным эффектом во всех сферах общественной жизни. Идеологема модернизации определялась установками ее разработчиков Т. Парсонса и Э. Шилза на то, что традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Они считали возможным однолинейное, в том числе направляемое извне, развитие стран «третьего мира».

Такое понимание модернизации опирается на длительную традицию евроцентризма в гуманитарном знании и политической идеологии. В его основе лежит осознание генетически разных путей развития, типологических отличий в антропологии и ментальности, несхожесть жизненных ориентаций, свойственных европейцам и обитателям других регионов мира. Евроцентризм подпитывался очевидным военно-технологическим отставанием, традиционализмом и подчиненным положением народов Азии, Африки и Америки в колониальный период, отсутствием в этих регионах эндогенного научно-технического прогресса, их периферийным положением в капиталистической мир-системе. Это привело к появлению устойчивых представлений о том, что неевропейские цивилизации остановились в развитии на традиционализме, в то время как европейская культура и цивилизация достигла более высокой стадии развития, для которой характерен прогресс, индустриализм, политический либерализм и гуманитарные ценности. На этом основании делался вывод о том, что историческое и социальное прошлое Европы является ключом и образцом к пониманию исторических и современных реалий остального мира. Господство европейского дискурса долгое время опиралось на длительную культурную дезадаптацию Запада и Востока, так как к сознательной установке на взаимопонимание эти две цивилизации пришли лишь после Второй мировой войны. А тогда, на рубеже XIX–XX вв. евроцентризм сформировался и приобрел господствующее значение в европейских гуманитарных науках – в период активного развития индустриальной цивилизации Запада, активного

экспансионизма западной культурной парадигмы, на волне распространения позитивистских, линейных, эволюционистских подходов к изучению общества, истории и культуры.

В теоретических аспектах евроцентризм лег в основу разнообразных теорий и концепций вестернизации. Под ней понимается процесс переориентации неевропейских сообществ на культурные, экономические, политические и социальные стандарты, сформировавшиеся в рамках западной цивилизации в Новое время; перенос западных структур в незападные общественные системы. Как историческое явление вестернизация стала следствием догоняющего развития неевропейских стран и сообществ, столкнувшихся с цивилизационным превосходством и доминированием Запада в Новое время. Источниками вестернизации могли быть реформистские устремления правящих элит, культурный диффузионизм (в том числе конфликтные взаимодействия, войны, колониализм и т.д.), формирование капиталистической мир-системы. Как социокультурный процесс вестернизация является процессом трансляции западнохристианской культурной традиции, подразумевает формирование новой идентичности. Внедрение западных идей, стиля жизни, моделей поведения ведет к разрушению традиционного жизненного уклада и ментальности, они замещаются комплексом прозападных ценностей, стандартов, социальных практик. В политической сфере вестернизация подразумевает полную или частичную ориентацию на западноевропейские методы рационального бюрократического управления, правовые нормы, технократию, политическую идеологию. В экономической сфере вестернизация приводит к развитию расширенного коммерциализированного производства, ориентированного на рынок, на удовлетворение фискальных потребностей модернизирующегося государства, обеспечения новых элит и социальных групп и интегрированного в мировую экономику. При этом в основе производства может лежать как частная, так и государственная собственность.

Теории вестернизации сопутствовали первому поколению теорий модернизации и были связаны с давней традицией евроцентризма в гуманитарных науках. Эти представления развивались в рамках парадигмы конвергенции (от лат. *convergo* – сближаюсь). В соответствии с ней основная тенденция развития современного мира заключается в сближении и взаимопроникновении культур, ценностей, социальных систем. Футурологические прогнозы сторонников идеи вестернизации говорили о том, что международное разде-

ление труда, глобальная экономическая интеграция, распространение либеральных ценностей, западных культурных стандартов и демократии являются всемирно-историческим процессом, который неизбежно приведет к унификации мирового сообщества по западному образцу, к появлению «универсальной цивилизации».

Парадигма вестернизации надолго стала ключевой в объяснении истории и перспектив развития неевропейских стран, стран «третьего мира». Один из теоретиков вестернизации Т. фон Лауэ писал, что техническое, военное и экономическое превосходство Европы над остальными регионами мира уходит корнями в английскую индустриальную и французскую социальную революции XVIII в. Это доминирование стало довлеющим фактором, вызвавшим эффект догоняющего развития в странах Востока. Заимствование западного оружия, технологий, элементов организации производства разрушало целостность традиционного общества, привнося в него элементы материальной и духовной культуры европейцев, т.е. приводило к «вестернизации» [3]. В качестве примеров последовательной и успешной вестернизации приводились реформы Мэйдзи в Японии, политика Мустафы Кемала Ататюрка в Турции; принципиальные дискуссии вызывает вопрос о петровских реформах в России. Однако существует авторитетное мнение, что в наиболее динамичные периоды развития России в XIX и XX вв. внутривнутриполитический курс и вектор технической модернизации был прозападным, ориентированным на конвергенцию и подключение к мировой капиталистической системе. Т. Парсонс, один из создателей теории модернизации, в своей эволюционной доктрине выделил три типа обществ: примитивные, промежуточные и современные. Модернизационный переход от промежуточных обществ к современным он трактовал в духе всеобщего повышения «обобщенной адаптивной функции», т.е. в духе конвергенции и вестернизации. По мнению Парсонса, «эволюционные универсалии» приводят к тому, что во всех обществах модерна последовательно происходят однотипные изменения. Правовая система отделяется от религиозной, формируется административная бюрократия, рыночная экономика и демократическая избирательная система. За «промышленной революцией», означающей у Парсонса дифференциацию экономической и политической подсистем, следовала «демократическая революция», отделяющая «социальное общество» от политической системы, а затем «образовательная революция», призванная отделить от социального

общества подсистему воспроизводства структуры и поддержания культурного образца [4. С. 16–17].

Заметное влияние на развитие европоцентристских подходов в парадигме социального развития оказали работы М. Вебера. Он характеризовал явления, связанные с генезисом капитализма и рациональной легитимации власти, преимущественно как европейские. В «Истории хозяйства» Вебер отказался классифицировать признаки высокого развития товарно-денежных отношений на средневековом Востоке как капиталистические. Он отнес их к типу нерегулярного, авантюрного капитализма, которому не хватает нескольких важных атрибутов (частная собственность на средства производства, рациональная бухгалтерия, сводный рынок труда, развитие техники и др.). Вебер исследовал феномены бюрократии и прогрессирующей бюрократизации («рационализации») современного европейского общества. В его понимании рационализация была результатом воздействия нескольких феноменов, несших в себе рациональное начало, – все эти факторы имели системно европейское происхождение и диапазон действия. Она являлась ключевым понятием анализа европейского капитализма, обозначавшим множество взаимосвязанных процессов, превращавших каждый аспект человеческого действия в предмет расчета, измерения и контроля. Движение в направлении формальной реальности у Вебера – это движение самого исторического процесса. Европейский менталитет, ориентированный на активное познание и освоение окружающего мира, стал, согласно Веберу, следствием комплексного влияния специфических этических императивов, а также античной науки, особенно математики, – дополненной в эпоху Возрождения экспериментом, экспериментальной наукой, техникой. Немецкий социолог выделил критерии «реального» капитализма и рационального общества, которые считал универсальными, но исторически сформировавшимися именно на Западе. Это: 1) присвоение автономными частными промышленными хозяйствами свободной собственности на вещные средства производства (землю, приборы, машины, орудия и т.п.); 2) свободный рынок без словесных ограничений; 3) рациональная, механизированная техника производства и обмена в областях как выработки, так и обращения благ; 4) рациональное, твердо установленное право; 5) свободный рынок труда; 6) коммерческая организация хозяйства, ориентированная на рыночный спрос и доходность хозяйства [5. С. 255–256].

Таким образом, идейная и практическая ориентация на европейские эталоны развития представлялись коренными условиями успешной модернизации. С. Блэк, один из основоположников теории модернизации, понимал логику развития модернизационного процесса как чередование следующих фаз: 1) «вызов модернизации»; 2) консолидация модернизаторской элиты; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества [6]. Концепции Л. Уайта, Дж. Стюарда, Г. Ленски, Дж. Матрас, Т. Парсонса и др. в общем виде сообщали о том, что европейское общество объективно лидирует в современном мире благодаря особой социальной мобильности и психологической пластике, способности к адаптации и восприятию новых технологий. Поэтому только оно смогло преодолеть традиционализм, совершить отрыв и перейти к индустриальной стадии развития, полнее реализовать свои жизненные шансы. Схожий характер носили почти все ранние теории модернизации (У. Ростоу, Ш. Айзенштадт, С. Блэк). Теория индустриального общества (Ж. Фурастье, Р. Арон), а затем сменившая ее теория постиндустриального общества (Д. Белл, А. Турен, О. Тоффлер, И. Илич, И. Масуда и др.) представляют собой стадийные типологии социо-исторических организмов и содержат европоцентристские коннотации. В радикальных формах евроцентризм выразился в концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который оспаривал возможность прямой передачи инноваций между разными цивилизациями. Примером того же рода являются работы Ф. Фукуямы, считающего достижение западной модели либерального капитализма вершиной мировой эволюции [7. С. 146–152].

Вторая половина XX в. стала временем активного противостояния конкурирующих европоцентристских идеологий развития и их теоретико-методологических оснований. Позитивистская теория марксизма вобрала в себя универсалистские, линейные подходы к всемирно-историческому процессу, т.е. была теорией того же направления и класса, что и теория модернизации. Марксизм как историческая парадигма отразил идеи евроцентризма, эволюционизма, экономического детерминизма, классовой борьбы. В центре исследований Маркса и Энгельса изначально находились проблемы формирующегося капиталистического общества XIX столетия. Поэтому главным объектом своего анализа они сделали экономику, так как она, по их мнению, в наиболее полной мере отражает развитие конкретных материальных

сил в истории. Однако в отличие от «классической» теории модернизации, которая отводила основную детерминирующую роль экономическому росту, марксистская идеология подчеркивала роль усиливающейся в результате экономических антагонизмов классовой борьбы. Социальная теория Маркса, как справедливо отмечал А.И. Фурсов, оказалась на стыке анализа двух систем – локальной европейской буржуазной и мировой капиталистической [8. С. 42]. Марксизм как идеология сообщал, что важнейшим условием перехода к социализму является достижение определенного уровня производительных сил, соответствующего западному образцу индустриального капитализма с его классовой общественной структурой – в этих исторических и социальных условиях классовые антагонизмы достигают апогея, и происходит социалистическая революция. В идеологической перспективе коммунистическое будущее тоже было «концом истории». Марксизм являлся одной из ведущих идеологий XX в., наряду с либерализмом и консерватизмом. Для подтверждения этой теоремы идеологам социализма и коммунизма было необходимо подчеркнуть типологическую и даже хронологическую однотипность исторического развития всех стран и регионов. В эпоху экспансии «мировой революции», а затем и «развитого социализма» подчеркивалось, что материальная, политическая и культурно-идеологическая помощь стран развитого социалистического лагеря позволяла отсталым обществам третьего мира сделать опережающий шаг к социалистической революции и индустриализации. «Социалистический лагерь» по своей сути являлся высокоразвитым, эталонным Западом; развивающиеся страны «социалистической ориентации» – Востоком. Возможность экспорта «советского модерна» лишь подтверждала всемирно-историческую обусловленность западной парадигмы развития. Либеральная идеология модернизации и советская идеология «научного коммунизма» имели общие корни в идеологии Просвещения. Они одинаково опирались на стадийно-линейные представления о всемирно-историческом процессе и подчеркивали определяющую роль европейского исторического и политического опыта для развивающихся стран третьего мира, с акцентированием на развитии капитализма и сопутствующих ему культурном уровне, политических институтах, социальных явлениях. Коммунистическая перспектива, так же как и интеграция всех сообществ в капиталистический мир западной демократии, в равной

степени предполагали, что развитие всех обществ проходит через стадию социально-политической модернизации, но в разных дискурсах – индивидуальной свободы или социалистического коллективизма. Унитарно-стадиальные, евроцентристские по духу концепции всемирной истории на Западе и в СССР отражали, по сути, идеологию развитого индустриального общества, осознающего свою идентичность и превосходство над странами «третьего мира».

Эти идеологические, в значительной мере оторванные от культурных, цивилизационных реалий, представления о «единственно верных путях развития» неоднократно были причиной политического волюнтаризма, непродуманных решений и необоснованных стратегий влияния как для руководства СССР, так и для их оппонентов на Западе. В настоящее время навязывание «либерально-рыночной» парадигмы развития со стороны капиталистических лидеров является существенной причиной их отторжения, роста международной конфликтности. В то же время справедливость требует подчеркнуть историческую обусловленность и определенные достижения евроцентризма. Как отмечает Ю.Л. Говоров, евроцентризм в своей динамике отразил не только негативные тенденции, связанные с конфликтом цивилизаций и экспансионизмом, но также выполнил ряд полезных исторических и социокультурных функций. Он был закономерным этапом становления и развития европейской, и опосредованно – мировой культуры. С евроцентризмом связан этап становления эволюционистской, прогрессивной схемы всемирно-исторического процесса, которая, в свою очередь, объективно соответствовала интел-лектуальным запросам индустриальной эпохи, отражала идеологию модерна и анализировала реальные процессы интеграции мировой цивилизации в XX в. [9. С. 19]. Особенности европейского менталитета и образа действия привели к тому, что многие достижения материальной и духовной культуры мировых цивилизаций были объектно изучены и осмыслены в категориях и методах научного познания, рационализма. В рамках евроцентризма сформировалась идея о единстве всемирно-исторического процесса, взаимосвязанности всех процессов в глобальном масштабе, сложились первые универсальные теории развития.

Несовпадение реальных линий развития стран третьего мира с теориями модернизации и научного коммунизма привело к их критике и радикальному пересмотру. После появления плюралистических теорий модернизации в 1970-е гг. возросла критика как самой теории вестернизации, так и

представлений о ее позитивном, конструктивном характере. В работах С. Хантингтона была поставлена проблема ограниченности самих возможностей глубоких культурных заимствований между цивилизациями [10. С. 92]. Ш. Айзенштадт говорил о существенном институциональном разнообразии современных и модернизирующихся обществ, поставив вопрос о важности сохранения национальных социокультурных традиций [11. С. 187]. М. Леви критиковал концепцию «догоняющего развития» и указывал на то, что идеологическая, технологическая, экономическая зависимость от Запада является фактором консервации отсталости. Ряд теоретиков (Р. Хейлборнер, Г. Маркузе) высказали идею о «негативной конвергенции», о том, что цивилизации и разные социальные системы усваивают друг у друга не столько положительные, сколько отрицательные элементы каждой, что в целом ведет к системному кризису. В настоящее время большинство исследователей отмечают, что модернизация в виде вестернизации без опоры на национальные традиции признается неполной, рискованной, фрагментированной, характеризуется как тормоз социокультурного развития. В 1980–1990-е гг. в исследованиях «процессов модерна» усиливается акцент на изучение конкретных исторических условий, цивилизационного контекста, на так называемых специфических «типах модерна», которые определяют интерьер и общий рисунок модернизационных процессов.

В результате серьезной ревизии модернизационной теории сформировались представления о многолинейной, обратимой, о частичной «парциальной» модернизации, понимаемой как длительный процесс перехода и трансформации; возникли концепты «посттрадиционного», «транзитного» общества. В современных трактовках процесс модернизации представляется субъективно многофакторным, исторически инвариантным и обратимым; он, обладает региональной и цивилизационной спецификой, протекает с различной скоростью и интенсивностью в разных общественных подсистемах и на разных этапах развития. Существенным параметром процесса модернизации является «тип модерна» общества. Под ним понимается социокультурный, региональный, цивилизационный контекст модернизации; совокупность характерных признаков общества и культуры, а также исторических условий, влияющих на общие предпосылки, потенциал, исторический рисунок и перспективы модернизации в конкретном социоисторическом организме. Концепт «модерна» позволяет перенести акцент с сущност-

ной динамики капитализма на иные объекты внимания – социальные связи нового типа; развитие сложного дифференцированного общества с высокой степенью социального контроля и самоконтроля, культурный синтез, преодоление архаики в социальных практиках, синтез традиций и инноваций. Как отмечает И.В. Побережников, в исследованиях широких исторических трансформаций намечено смещение от структуралистских макроисторических объяснений к сравнительно-историческим моделям. Такие функциональные модели процессов дают возможность составлять страновые варианты перехода от традиции к модерну, реконструировать их общие стадии и специфические исторические особенности. Методологическая пластичность и синкретизм, свойственные современной теории модернизации, позволяют связать ее с контекстом других макроисторических теорий [12. С. 18–20]. Глобальная динамика экономических циклов и взаимодействий, технологического обмена, складывание региональных и трансконтинентальных политических иерархий являются предметным полем мир-системного анализа. Взаимосвязь внутренних и внешних факторов трансформации, их взаимодействие с реальными процессами развития раскрывает модернизационная парадигма. Цивилизационный подход позволяет концептуализировать традиционный контекст, социокультурный базис и «коридор возможностей» исторического перехода, обосновывает его региональную темпоральность.

Таким образом, на фоне возрастающей критики евроцентризма под модернизацией понимают более широкие процессы, чем переход на западный вариант социально-экономического развития, но рассуждая при этом в плане философии истории культуры, цивилизации и т.п. Связь теории модернизации с представлениями о множественности путей социокультурного, политического и экономического «транзита» привела к постановке вопроса о синтезе традиций и инноваций, об их балансе в современном обществе. Опираясь термином модернизации, многие современные авторы интерпретируют его не как революционный прорыв, а как продолжающееся линейное изменение, движение к определенной цели и очертанию целей в контексте реформаторской деятельности, проводимой в условиях международной взаимозависимости и соперничества. Тенденция к социологизации теории модернизации выразилась в признании высокой роли социальных акторов (коллективов, индивидов, элит), в интересе к субъективным мо-

тивациям, формам адаптации, стратегиям выживания, к изучению социальных и гендерных казусов для выявления проекций модернизации на повседневность в микроформате. Современные многолинейные модели отличает отказ от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.), акцент на комплементарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами. Таким образом, на сегодняшний день в рамках расширяющейся парадигмы существует несколько слабо отделенных друг от друга понятий процессов модернизации. Они рассматриваются как инвариантные модели стадийных исторических процессов; как асинхронная эволюция социальных подсистем; как модернизация человеческой личности, преодоление традиционалистской ментальности и установок – в этом смысле как процесс личностной рационализации и цивилизации. В целом для современной науки характерно стремление к евроцентризму. В новой парадигме «глобального мира» рассматривается становление человечества как целого, формируются представления о процессах и структурах глобальности, глобализации, исходя из идеи множественности картин мира и множественности моделей познания.

ЛИТЕРАТУРА

5. Айзатуллин Т.А., Кара-Мурза С.Г., Тугаринов И.А. Идеологическое влияние евроцентризма // Социологические исследования. 1995. № 4.
5. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.
5. Wop Laue Th.H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxf., 1987.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
5. Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001.
5. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y., 1966.
5. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзор / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8.
5. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995.
5. Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в средние века. Кемерово, 1998.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.
11. Eisenstadt S.N. Multiply Modernity. Daedalus. Cambridge (Mass.), 2000.
12. Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011.